

Национально-просветительское движение и проекты национализма в Казахстане в конце XIX — начале XX в.

С.Ш. Казиев

Северо-Казахстанский государственный университет
им. М. Козыбаева (Петропавловск, Казахстан)

The National Educational Movement and Nationalist Projects in Kazakhstan in the Late XIX — Early XX Centuries

S.Sh. Kaziev

M. Kozybayev North Kazakhstan State University
(Petropavlovsk, Kazakhstan)

Рассматривается влияние просветительского движения на становление казахского национального движения. В дореволюционной российской части Центральной Азии существовали возможности развития исламского интегрализма, пантюркизма и этнического национализма. Большую роль в распространении идей мусульмано-тюркского единства сыграли образованные слои татарского населения. Раскрываются причины поражения пантюркизма в Казахстане, заключающиеся в религиозной индифферентности кочевников и мощном влиянии повседневности межэтнических отношений, приведших к широкому распространению русской культуры, являвшейся проводником вестернизации казахского социума. Важную роль в выборе национального пути развития казахов сыграли русские и казахские просветители, создававшие русско-казахские школы и казахские школы с преподаванием на русском языке. Основатели казахского национального движения Алаш преимущественно обучались в русско-казахских школах северных и западных районов края и в высших учебных заведениях европейской части России. Их конкуренты — тюркисты, обучались в новометодных школах, распространенных в южных районах, где их идеи разделялись образованной частью населения. Казахский национальный проект был поддержан позже советской властью в ходе реализации политики нацистроительства.

Ключевые слова: нации, пантюркизм, джадиды, православные миссионеры, русско-казахские школы, новометодные школы, национализм, грамотность.

The article examines the impact of the educational movement in the formation of the Kazakh national movement. In pre-revolutionary Russian part of Central Asia there were opportunities for the development Islamic integralism, pan-Turkism and ethnic nationalism. It is educated members of the Tatar population who played an important role in spreading the ideas of the Muslim-Turkic unity. The article reveals the reasons of pan-Turkism defeat in Kazakhstan, that include religious indifference of the nomads and the powerful influence of common inter-ethnic relations which led to the proliferation of Russian culture, which was the conductor of the Westernization of the Kazakh society. Considerable contribution into the choice of the direction of Kazakh national development was made by Russian and Kazakh educators, who set up Russian-Kazakh schools and Kazakh schools with the Russian-language instruction. The founders of the Kazakh national movement Alash mainly attended Russian-Kazakh schools in northern and western districts of the region and in higher educational institutions of the European part of Russia. Their rivals, the so-called Turkists, went to Jadid schools situated in southern areas where their ideas were shared by educated part of the population. Kazakh national project was supported later by the Soviet government in the implementation of the policy of nation-building.

Key words: nation, pan-Turkism, Jadids, Orthodox missionaries, Russian-Kazakh schools, Jadid schools, nationalism, literacy.

История современных государств Центральной Азии неразрывно связана с религиозными, интегралистскими (пантюркизм) и этнонациональными движениями начала XX в. Выбор национальных проектов развития во многом был связан с просветительским движением национальных меньшинств. На их основе формировались национальные движения, активность которых после Октябрьской революции 1917 г. вынудила большевиков перейти к широкомасштабной политике нациестроительства. М. Хрох, исследовав историю национализма и национальных движений, критически отозвался о возможности конструирования «воображаемого сообщества» — нации усилиями только образованных интеллектуалов и пришел к выводу о существовании комплекса реальных факторов, способствующих успеху нациогенеза: «распространение национальных идей могло бы происходить только в особых социальных условиях. Созидание нации никогда не являлось исключительно целью амбициозных или самовлюбленных интеллектуалов, да и идеи не могли бы расходиться по всей Европе благодаря одной своей вдохновляющей силе. Интеллектуалы способны «изобретать» национальные сообщества только в том случае, если уже существуют определенные объективные предпосылки для образования нации [1, с. 121]. Исследователь подчеркнул, что нация могла возникнуть только в определенной социальной и культурной среде, а успех созидания этнической нации в значительной степени зависел от конкретной исторической ситуации и активности просветительских сил, будировавших «национальный вопрос».

По мнению немецкого историка А. Каппелера, у народов Российской империи существовали различия в уровне консолидации и политизации этнонационального сознания, влиявшие на политическую активность национальных движений. До 1905 г. высокий уровень мобилизации этнонационализма был характерен для поляков, русских, финнов, эстонцев, латышей, литовцев, грузин и армян [2, с. 180]. Для тюрко-мусульманских народов Российской империи народов был характерен низкий уровень этнических мобилизаций.

Значительную роль в пробуждении этнического самосознания сыграли просветители — джадида, стоявшие у истоков тюрко-мусульманского интегралистского движения. В отличие от локальных этнонациональных проектов европейских и закавказских христиан, джадидский проект создавал тюркскую общность на огромной территории империи, вполне способную конкурировать с имперской русской общностью, включавшей восточнославянские народы, тем более, что тюркские интеграллисты пытались найти общие основы для идентичности. А.З. Валиди в своей работе «Нация и национализм» предложил компромиссный этноним «тюрко-татары», удовлетворивший бы как татар, так и представителей наро-

дов, не носивших это название, прежде всего казахов, башкир и тюрок Средней Азии [3, р. 117]. Однако в казахских степях пантюркистский проект конкурировал с просветительским движением, ориентированным на русскую культуру.

В казахских степях идейное противостояние между религиозными традиционалистами и реформаторами не было столь напряженным, как это имело место в районах с оседло-земледельческим населением в Туркестане и Поволжье. Одна из причин кроется в глубокой оторванности традиционалистского исламизма от насущных потребностей кочевого общества. Главную роль в борьбе за умы степняков играли представители двух направлений в области народного просвещения, ассоциируемых, по мнению Б.А. Кенжетаева, с именами И. Гаспринского и Н.И. Ильминского [4, с. 18].

Под значительным влиянием татарских реформаторов-обновленцев складывалась новая казахская духовная элита, ориентированная на европейские ценности и обновленный ислам. Финансовая поддержка реформаторам оказывалась татарскими предпринимателями, заинтересованными в подготовке образованных кадров. В Оренбурге в 1891 г. купец Ахмет Хусаинов при построенной им мечети основал мектеп и медресе «Хусаиния», шакирдом которой стал К. Жубанов, впоследствии казахский ученый-лингвист. Представители казахского купечества также вовлекались в спонсирование строительства новометодных учебных заведений. В Семиречье, в Капальском уезде, на деньги бия Мамана Есенкулова была открыта вначале двухлетняя, затем четырехклассная, впоследствии восьмиклассная новометодная школа «Мамания». Образцовой моделью для «Мамании» служило уфимское медресе «Галия». Учителя в школу набирались из Оренбурга и Уфы. По данным казанского джадида Абдулазиза Муссы, посетившего Семиречье в 1910 г., казахи Капальского уезда содержали учителей за свой счет и строили новые школы, не обращаясь за помощью к властям [5, с. 126].

Становление образования на родном языке происходило одновременно с распространением печатной продукции и изданием научных трудов, посвященных историческому прошлому казахского и других тюркских народов. В 1911 г. в Оренбурге была издана работа Шакарима Кудайбердиева «Родословная правителей тюрок, киргиз-кайсаков», ставшая ценным источником по казахской этнографии.

Крупнейшим центром по изданию книг на восточных языках, после столицы, являлась Казань [6, с. 82–83]. Наибольшее количество книг на казахском языке было отпечатано в типографии Ш. Хусаинова и братьев Каримовых. В типографии «Каримов, Хусаинов и К^о» с 1890 по 1915 г. было издано 117 книг на казахском языке, в том числе работы Ш. Кудайбердиева, А. Байтурсынова, М. Дулатова.

Значительную часть изданных книг составляли эпические сказания и поэмы, учебные пособия и сборники стихов казахских поэтов. В 1913 г. был издан роман С. Кубеева «Калым», являющийся одним из первых романов на казахском языке. Крупные частные типографии печатали литературу на казахском языке в Уфе, Верном, Уральске, Ташкенте и других городах. В Семипалатинске в 1912 г. братья Нигматуллины основали типографию «Ярдам сериктиги», при которой существовала библиотека. Типография братьев Нигматуллиных была выкуплена казахскими купцами по просьбе студентов для нужд просвещения. До 1917 г. было издано около 700 названий книг на доступных для понимания казахом языках, в промежутке 1900–1917 гг. появилось около 400 наименований таких книг [7, с. 63].

Татарские предприниматели и представители духовенства старались солидаризовать мусульман Степного края. На территории Оренбургской губернии работу по консолидации местных мусульман проводил купец Ахмет Хусаинов. Он стал инициатором создания Мусульманского просветительно-благотворительного общества в Актюбинске, которое было зарегистрировано 29 января 1908 г. в Тургайском областном правлении. В Кустанае учредителями Мусульманского общества в 1909 г. были известные татарские купцы М. Яушев и Ш. Баязитов, мулла соборной мечети Г. Якупов; в Ханской ставке Внутренней Орды (1909 г.) — торговые крестьяне Казанской губернии М. Загидуллин и А. Насыров, являвшиеся постоянными жителями этого селения. В мае 1909 г. в Гурьеве было учреждено татаро-казахское общество взаимопомощи, преследующее цель народного просвещения через открытие мектебов, медресе и библиотеки. Благодаря деятельности татаро-казахских сообществ были созданы джадидские школы в Актюбинске, Иргизе, Кустанае. Молодые татары — джадиды во время летних каникул выезжали в степные районы Туркестанского края и открывали без разрешения администрации летучие юрты-школы, где обучали детей за высокую плату [8, с. 420].

Реформаторская деятельность джадидов поддерживалась казахскими «обновленцами», консолидовавшими вокруг журнала «Айкап», издаваемого М. Сералиным в Троицке с января 1911 г. по август 1915 г. Казахские «обновленцы» с пиететом относились к личности И. Гаспринского. М. Сералин называл Гаспринского «учителем 20-миллионного русского мусульманства, благодаря которому начали понимать себя, увидели, какие есть на свете науки и искусства, начали понимать, какие науки и искусства имели наши предки. Мы раньше представляли живой труп. Гаспринский дал нам душу» (Цит. по: [9, с. 332]). С.З. Зиманов относит М. Сералина и его последователей к казахским общественным деятелям, в наибольшей степени связанным с татарской

культурой и ее прогрессивными традициями в лице джадидизма [10, с. 51–52, 54]. Одним из лидеров мусульманско-тюркского интегралистского движения был потомок казахских ханов С.С. Джантюрин.

Идеи надэтнической общности тюрков-мусульман нашли поддержку в Средней Азии. Первые джадидистские группы возникли в Туркестане в начале XX в. Туркестанские и бухарские джадиды пропагандировали особую концепцию «бухарско-туркестанской нации», или «среднеазиатской нации», имевшей свои отличительные признаки. Из числа казахов в Туркестане и Степном крае последователями реформаторских идей И. Гаспринского были М. Чокаев, Ж. Сейдалин и М. Сералин, стремившиеся к объединению коренного населения края в туркестанскую нацию. Всего на территории Казахстана к 1917 г., по данным С.Д. Асфендиарова и С.З. Зиманова, функционировало около 100 новометодных школ. Приверженцы новометодных школ консолидировались вокруг журнала «Айкап» [11, с. 55]. Часть школ нового типа была закрыта в 1910–1911 гг., когда встревоженный ростом оппозиционности мусульманского населения туркестанский губернатор распорядился закрыть более 100 новометодных школ [11, с. 55]. Идеология тюрко-мусульманского обновления и солидаризма получила поддержку в южных районах Казахстана. На северо-востоке и в центре такого роста новометодного образования не наблюдалась. Главная причина поражения пропаганды тюркских интегралистов в Казахстане заключается в том, что на казахское население северных и западных районов Казахстана оказывали влияние культура и образ жизни русского населения края.

Воздействие татарских и среднеазиатских интегралистов в значительной мере блокировалась казахами, получившими образование в русско-казахских учебных заведениях. Этому способствовал также перенос негативных стереотипов восприятия основной частью казахского населения представителей татарского и среднеазиатского предпринимательского класса, занимавшегося ростовщицеством и посреднической торговлей, на весь татарский и среднеазиатский образованный класс. Дореволюционный исследователь казахского хозяйства И. Аничков наблюдал, что казахи с их «стадами и табунами давно сделались объектом деятельности татар, особенно в северной части степей, как посредников между производителями сырья и представителей обрабатывающей промышленности» [12, с. 58]. Посредническая торговля и ростовщицество позволяли скопить значительные состояния на неэквивалентной торговле и на махинациях с долгами кочевников, не имевших опыта в подобных операциях.

Негативные взаимоотношения казахских скотоводов с торговыми группами татарского и среднеазиатского происхождения пытались использовать

российские ориенталисты, находившиеся на официальной службе, и православные миссионеры, стремившиеся к расширению сферы русского образования в крае. В 1865 г. казачий офицер М. Путинцев в своих путевых записках лелеял надежду на приобщение казахов к православию и русской культуре: «...недалеко то время, когда киргизский народ будет братом нашим по вере и в Искуплении рода человеческого...» [13, с. 378]. Выдающийся востоковед В.В. Григорьев выступал за формирование и продвижение казахского литературного языка на кириллической основе как барьера против татарского «культурного империализма» [14, р. 38]. Н.И. Ильминский указывал на большую опасность со стороны татарского ассимиляционного проекта. Ильминский поддерживал идею борьбы с «татаризацией» через расщепление тюркского языка на национальные языки, основанные на кириллице, либо, как в случае с казахским языком, на адаптированном арабском алфавите. Развитие национальных литературных языков должно было блокировать распространение панисламизма и пантюркизма, позволить более успешно интегрировать «инородцев» в российское общество, не прибегая к форсированной языковой и культурной русификации [15, с. 87–88].

Православные миссионеры и ученые призывали имперские власти к более активному продвижению русского образования с целью оторвать казахов от влияния соседних мусульманских народов. Г.Н. Потанин, отмечая рост мусульманского клерикального направления в казахской среде, предлагал усилить светское культурное влияние через приобщение казахов к русской науке, русской истории, русской литературе и культуре [16, с. 73–75].

Н.И. Ильминский, много путешествовавший по казахским степям и знакомый с языком и образом жизни казахских кочевников, отмечал природную любознательность казахов, их стремление к образованию, что неизбежно должно было привести их к изучению русского языка, открывающего дверь в европейскую цивилизацию. Для «инородцев» Н.И. Ильминский предлагал преподавание на родном языке, чтобы они приобщались к жизни русского народа и полюбили «русский язык, русскую народность, русскую образованность» [17, с. 136]. Ильминский полагал желательным и возможным приобщение казахов к русской и мировой культуре посредством изучения русского языка, алфавита и письменности. Н.И. Ильминский оказал «огромное влияние на образованных казахов, в частности, на Ибрая Алтынсарина — организатора школ среди казахов, который на практике осуществил планы Ильминского в области образования и просвещения казахского населения» [18, с. 196]. Ибрай Алтынсарин делал ставку на обучение детей с использованием учебной литературы на казахском языке, основанном на кириллице.

В казахских степях российская администрация, используя тягу казахов к современным достижениям образования и науки, создавала русско-казахские волостные и уездные школы и училища, а также аульные школы. Эти учебные заведения давали общее начальное образование, не отличавшееся от начального образования в русских учебных заведениях. Включение казахских детей в обучение в русских школах отмечается на всем протяжении последней трети XIX в., прежде всего в западных областях Казахстана и современного российского Оренбуржья, длительное время уже находившихся в составе Российской империи. За 1868–1896 гг. в Уральской области функционировали 24 русско-казахские школы. Образование получали не только мальчики, но и девочки, что являлось новшеством для кочевого казахского общества [19, с. 161].

В 1888 г. в г. Иргиз Тургайской области при женском училище для русских девочек был открыт казахский интернат. Спустя два года в интернате обучалось 15 русских и 20 казахских девочек [20, с. 94, 102]. В 1914 г. в Тургайской области насчитывалось 604 учебных учреждения, из них четыре относились к средним учебным заведениям. В области функционировало 14 русско-казахских училищ для мальчиков и три для девочек, при которых существовали интернаты. Всего в области обучалось 10849 мальчиков и 4705 девочек, отнесенных к православной конфессии, 3612 мальчиков и 375 девочек мусульманской религиозной принадлежности [21, с. 206–210].

При открытии русско-казахской школы в Актюбинске, сообщал 24 октября 1881 г. И. Алтынсарин, при плане набора в 25 человек, число казахских родителей, желавших отдать своих детей на обучение, превышало спущенный план в три-четыре раза [22, т. 2, с. 145]. Открытая школа находилась в медресе, школьники были окружены муллами и взрослыми шакирдами, однако успех русского образования был настолько очевиден, докладывал И. Алтынсарин, что сами шакирды стали поступать в русско-казахскую школу [22, т. 2, с. 164]. В Акмолинской и Семипалатинской областях процесс распространения русского образования шел медленнее. В Акмолинской области в 1870-е гг. из 71 школы только одна была русско-казахской и четыре — русско-татарские. В Семипалатинской области в 1883 г. мужские школы для обучения казахских детей функционировали в областном центре Семипалатинске и уездных городах Павлодаре, Усть-Каменогорске и Зайсане. В 1886 г. в них обучалось 152 мальчика и 37 девочек [19, с. 161]. По сравнению с другими народами Туркестана казахи чаще поступали в русские духовные учебные заведения. За 25 лет существования Туркестанской семинарии в нее поступили 348 русских (83,9%), 54 казаха (13%), 9 узбеков (2,2%), 3 татарина (0,7%), один туркмен (0,2%) [23, с. 80]. Круг европейски образованных и национально ориентированных казахов был чрезвычайно

узок из-за недоступности системы высшего и среднего специального образования для основной части населения.

Наглядно диспропорции в уровне общей грамотности проявляются в сравнении с татарами и башкирами. По Оренбургской губернии грамотность по графе «на других языках» у татар и башкир составляла 20,66 и 16,2% соответственно, в то время как их знания русской грамотности соответствовали 6,94 и 1,75%. Уровень грамотности казахов Оренбургской губернии составлял 10,12%. Основная часть грамотных проходила по категории «грамотность на других языках» (7,16%), тогда как русская грамотность среди казахов составляла 1,83%. Еще более низкие показатели общей грамотности были у казахов в Уральской и Тургайской областях. В Уральской области общая грамотность татар составляла 23,9%, русских — 31,6%, казахов по категории грамотность «на других языках» (4,7%), русская грамотность казахов составляла 0,28% [24, с. 16].

Из-за слабой востребованности знаний и умений выпускников русско-казахской школы в социальных «нишах» традиционного кочевого социума они проигрывали в материальном достатке выпускникам религиозных школ, которые могли рассчитывать на высокое материальное вознаграждение за знание основ ислама и владение арабским языком. И. Алтынсарин критиковал неравенство возможностей, в связи с чем «учеников из киргизов в татарских медресах

не уменьшается и не уменьшится, тем более, что мullah представляется больше шансов к приобретению себе материального средства, нежели кончившим курс в русских учебных заведениях» [22, т. 3, с. 30–31].

Наиболее религиозным было народное просвещение в южных районах, испытывавших мощное влияние древних исламских центров Мавереннахра. Различия в культурных и образовательных ориентациях казахского населения объясняет тот факт, что центры активности казахского национального движения Алаш в начале XX в. находились в западных и северо-восточных областях, а не в густонаселенном Южном Казахстане, где доминировало религиозное и пантюркистское движение.

Просвещение своего народа представляет начальный период национального движения. Вследствие кочевого образа жизни, наличия сильных конкурирующих проектов в виде российского ассимиляционного интегрализма, панисламизма и пантюркизма, слабость национального по-европейски «просвещенного класса», этнонациональная консолидация казахов в начале XX в. была трудной задачей для казахских интеллектуалов. Окончательно задача национальной консолидации казахского народа была решена Советским государством в 1920–1930-е гг. в результате широкомасштабных социально-экономических и культурных преобразований. Однако выбор национального пути развития был сделан казахским просветительским движением конца XIX — начала XX в.

Библиографический список

1. Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // *Нации и национализм* / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др. ; пер с англ. и нем. Л. Е. Переяславцевой и др. — М., 2002.
2. Капеллер А. Россия — многонациональная империя. Возникновение, история, распад. — М., 1997.
3. Zenkowsky S.A. *Pan-Turkism and Islam in Russia*. — Cambridge, 1960.
4. Кенжетаяев Б. А. Казанские учебные заведения и процесс формирования казахской интеллигенции в середине XIX — начале XX вв. — Казань, 1998.
5. Демироглу Х. Киргизы и казахи в татарских газетах Поволжья и Урала (1905–1912) // *Karadeniz (Black Sea-Cernoye More) Sosyal Bilimler Dergisi*. — 2012. — № 13.
6. Жиренчин А. М. Из истории казахской книги. — Алма-Ата, 1987.
7. Бейсембиев К. Б. Идеино-политические течения в Казахстане в конце XIX начале XX вв. — Алма-Ата, 1961.
8. Галиев В. 3. Книга, разбудившая народ (Разыскания о Мыржақыпе Дулатове и его сборнике «Проснись, казах!»). — Алматы, 2011.
9. Бейсембиев К. Б. Очерки истории общественно-политической и философской мысли Казахстана: дореволюционный период. — Алма-Ата, 1978.
10. Зиманов С. 3., Идрисов К. 3. Общественно-политические взгляды Мухамеджана Сералина. — Алма-Ата, 1989.
11. Зиманов С. 3. От освободительных идей к советской государственности в Бухаре и Хиве. — Алма-Ата, 1976.
12. Аничков И. Упадок народного хозяйства в киргизских степях // *Русская мысль*. № 5. — М., 1902.
13. Путинцев М. От Семипалатинска до Копала (Из путевых заметок) // *Военный сборник*. — 1865. — Т. 46. — № 12. — Отд. 2.
14. Dowler W. *Classroom and Empire: The Politics of Schooling Russia's Eastern Nationalities, 1860–1917*. — McGill-Queen's Pr., 2001.
15. Миллер А. Империя Романовых и национализм. — М., 2008.
16. Потанин Г. Н. Труды по этнографии и фольклору. — Астана, 2007.
17. Ильминский Н. И. Об образовании инородцев посредством книг, переведенных на родной язык // *Православное обозрение*. — 1863. — № 3.

18. Алимбаева Б.Б. Политика российского правительства в отношении оренбургских казахов в XVIII–XIX веках : автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Оренбург, 2008.

19. Центральная Азия в составе Российской империи / отв. редакторы С.Н. Абашин, Д.Ю. Арапов, Н.Е. Бекмаханова. — М., 2008.

20. Алекторов А.Е. Очерк народного образования Тургайской области. Летопись 1744–1898 гг. — Вып. 2. — Оренбург, 1900.

21. Обзор Тургайской области за 1914 г. Тургайский Областной статистический комитет. — Оренбург, 1915.

22. Алтынсарин И. Собрание сочинений: в 3 т. — Алма-Ата, 1975–1978. — Т. 2.

23. Нургазина Н.Д. Народы Туркестана: проблемы ислама, интеграции, модернизации и деколонизации (на рубеже XIX–XX веков). — Алматы, 2008.

24. Толепбергени Ж.Т. Мусульманское движение в Западном Казахстане и Южном Урале: особенности и тенденции взаимодействия (конец XIX и начало XX вв.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Актобе, 2010.